

Сохраняя остатки упрямства, он сглотнул слюну и шёпотом обратился к другу:

— Не то чтобы совсем без достоинств. По крайней мере, этот гроб выглядит весьма оригинально, прямо в духе сказок.

Не успели эти слова слететь с его губ, как кто-то из актеров, торопясь «купить труп», швырнул деньги прямо на сцену.

Мгновение спустя остальные подхватили порыв: взмахи рукавов — и на сцену пролился самый настоящий дождь из золотых и серебряных слитков.

Со звоном и треском драгоценности градом посыпались на хрустальный гроб. Лежащий внутри Ли Сяньфу про себя восхитился прозорливостью Цинь Цзиня.

Лежа на спине, уязвимые места не защитить. Чтобы Ли Сяньфу не травмировали, Цинь Цзинь ещё несколько недель назад выложил кругленькую сумму за изготовленный на заказ хрустальный гроб.

Однако самому Цинь Цзиню пришлось подчиниться судьбе своего персонажа: под шквалом летящих монет он выгадал момент, откинул голову и повалился на пол, изображая несчастного, забитого деньгами насмерть.

Зрители в зале: «...»

Директор школы: «...»

Один из родителей, разглядев сквозь грим знакомые черты, обернулся и тихо спросил у Старика Ли:

— Это что, Цинь Цзинь?

Старик Ли одеревянело выдавил из себя подтверждение.

Впрочем, вместо удивления от того, что сам Цинь Цзинь сыграл в детской пьесе, родитель изумился другому:

— И он так просто умер?

Раз уж пришёл, мог бы и подольше побыть на сцене.

Старик Ли кое-как попытался выкрутиться:

— Он снимался без спонсорского взноса.

«...»

— Моё!

— Это моё! Я дал сто лянов серебра!

— А я двести пятьдесят!

Крики на сцене окончательно заглушили шепотки в зале. Актеры массовки выкладывались на полную и с безумным азартом хлынули к гробу.

Со стороны эта сцена выглядела как настоящий зомби-апокалипсис, а хрустальный гроб служил господствующей высотой, которую каждый жаждал штурмовать.

Фоновая музыка в тему сменилась на невероятно пафосную и экспрессивную, превращая детскую постановку в какую-то грандиозную оперу.

В царившей кутерьме Ли Аньцин заблаговременно изобразил, будто толпа оттолкнула его, рухнул на пол и притворился упавшим в обморок — лишь бы не видеть этого позора.

Снова налетел загадочный порыв ветра, занавес закрылся, а когда раздвинулся вновь, хрустальный гроб бесследно исчез.

Диктор:

— Промелькнула тень, и тело растворилось в воздухе, словно всё увиденное было лишь зыбким сном. Эта история учит нас: не следует слепо следовать за толпой и гнаться за иллюзиями. В любой ситуации важно сохранять верность себе и трезво оценивать реальность.

Свели концы с концами!

Зрители сидели в полном оцепенении: чёрт возьми, как они вообще сумели это притянуть за уши?!

От автора: Старик Ли: «Оказывается, любой сюрприз может оказаться ящиком Пандоры».

Диктор закруглял сюжет густым, бархатистым дикторским голосом, который обычно можно услышать разве что на образовательных каналах.

Хотя история подошла к концу и свет приглушили, трагическая музыка продолжала греметь, и актеры со всей страстью продолжали играть.

— Нет, моя красавица!

— О небо! За что ты так жестоко со мной? Зачем даровало мне встречу с ним, чтобы тут же отнять?!

...

Прежде чем автоматический занавес медленно затянулся, Старик Ли изо всех сил всматривался в толпу «зомби», карабкающихся на хрустальный гроб, пытаясь разглядеть среди них ещё двоих своих сыновей.

Наконец, на самом краю он заметил человека, который лишь лениво размахивал руками... Это был откровенно саботирующий действие Ли Хуайчэнь. Что же до Ли Сичуня, то тот, будто вообще не был участником пьесы, а просто любителем устроить хаос, с воодушевлением рвался в самую гущу.

Конец спектакля.

Публика пребывала в шоке.

За эти короткие семь минут зрители так и не поняли, то ли им сгорать от стыда, то ли смеяться — всё произошло слишком стремительно.

— Что думаешь об этой истории? — со сложной мимикой повернулся к Старику Ли его старый друг.

Лицо Старика Ли застыло. Он похлопал в ладоши и выдавил на ломаном иностранном:

— Ин-те-рес-нень-ко.

«...»

Стоило раздаться первым аплодисментам, как остальные зрители с запозданием тоже начали хлопать, выплёскивая всё своё недоумение в овации.

В зале грянул гром аплодисментов.

Ли Шаша стоял за занавесом с сияющими от восторга глазами и неугасимым боевым духом:

— Ум определяется не возрастом! Папа, мои старания наконец-то признали!

В хрустальном гробу Ли Сянфу всё так же неподвижно лежал, изображая глубокий сон, и с закрытыми глазами ответил:

— Главное, чтобы ты был рад.

Снизу к гробу были прикреплены колёсика для удобной транспортировки за кулисы.

Ли Сянфу даже не стал вставать и прямо в гробу уехал за кулисы.

Помогавший убирать реквизит Ли Сичунь заметил всё ещё лежащего на полу Ли Аньцина и толкнул его:

— Хватит спать, просыпайся, пора на поклон.

Ли Аньцин медленно открыл глаза; сонливость во взгляде испарилась в мгновение ока. Встав на ноги, он спокойно произнёс:

— Я не спал, просто не хотел таскать реквизит.

Его тон был настолько невозмутимым, что трудно было понять, отговорка это или правда.

Времени на раздумья Ли Сичуню не оставили: занавес снова раздвинулся, и актеры выстроились в ряд для поклона.

В отличие от остальных, у Ли Сянфу не было плотного грима, поэтому он остался за кулисами.

Всё-таки «несравненная красота, за которую сражаются все»... Появись персонаж с таким описанием в центре сцены, к нему гарантированно было бы приковано слишком много внимания и обсуждений.

Свет софитов вновь сфокусировался на центре сцены. Густой слой тонального крема скрывал настоящие эмоции ведущей.

— Благодарим юного Ли Шаша и его взрослых друзей за это замечательное выступление... — взгляд ведущей казался совершенно расфокусированным. — Эта пьеса дает нам возможность ощутить прекрасность новой эпохи, а трагедия главного героя на самом деле является

трагедией своего времени...

Зрители в зале стали хлопать глазами реже обычного, недоумевая: почему в наше время люди так любят наглым образом нести нелепицу с честными глазами?

Они и не подозревали, что ведущая, зачитывая текст, в душе последними словами ругала составителя подводки.

— Апчихи!

Сидевший в зрительном зале автор текста почесал нос. Оттуда ему прекрасно было видно выражение лица ведущей.

«Вот уж несправедливость».

Он ведь всего лишь брал информацию из программы, немного расспрашивал постановщиков и набрасывал пару связующих фраз.

И он отлично помнил, как Ли Шаша утверждал, что у спектакля яркая и чёткая тема: показать трагическую судьбу главного героя и призвать всех ценить настоящее.

Занимавший соседнее кресло зритель тихо пробормотал:

— И в чём тут трагедия главного героя? Он же с самого начала был трупом!

— Да нет же, главный герой, наверное, сын покойного.

— А по-моему, больше всего экранного времени было у массовой.

Автор подводки: «...»

Надо же, нашлись уникальные личности, которые на полном серьёзе обсуждают этот сюжет!

К счастью, следующим номером шло выступление на ударной установке.

Временная группа из ребятишек выглядела очень эффектно, да и сами барабаны легко зажигали публику. Этот номер специально поставили, чтобы довести атмосферу в зале до пика.

Четверо модно одетых детей по очереди поднялись на сцену, лучи прожекторов скрестились, и зазвучал энергичный ритм.

— БУМ!

— Бум-бум-бум!

Глядя на ритмичные взмахи барабанных палочек, автор текста вдруг замер.

...Он обнаружил, что его сердце абсолютно спокойно, словно стоячая вода.

И такое чувство возникло не у него одного. Старик Ли, который ещё недавно искал повод сбежать в туалет, лишь бы не смотреть пьесу, сейчас сидел с весьма странным выражением лица. Переглянувшись со своим старым другом, он прочёл в его глазах тот же немой вопрос: почему этот номер кажется настолько пресным?

Но стоит поразмыслить: спектакль Ли Шаша дергал за нервы каждую секунду, так что теперь, глядя на нечто нормальное, зал просто не мог зажечься.

За кулисами.

Ли Шаша переоделся из белых одежд и вежливо поблагодарил каждого актёра массовки.

Ли Сяньфу заранее сам приготовил лунные пряники, и теперь Ли Шаша раздавал их всем вокруг. Через пару дней наступал Праздник середины осени, так что угощение пришлось как нельзя кстати.

Лю Юй, сопревший до седьмого пота, глядя на такого послушного ребёнка, уже не брал в голову то, что примчался сюда исключительно ради того, чтобы корчить из себя дурака на сцене.

Наблюдая за тем, как все с улыбкой беседуют, Ли Шаша удовлетворенно кивнул.

Высококласный теоретик обязан обладать высшим баллом и по эмоциональному интеллекту!

Смыв грим, он съел яблоко, чтобы восстановить силы. Снаружи номеров оставалось совсем немного: когда подошла очередь акробатов, гримёрка моментально опустела на добрую половину.

Выступивших учеников учителя провели через задний ход в зал к родителям. Что же касается Ли Шаша, то его официальный отец по документам находился прямо здесь, так что в особых распоряжениях он не нуждался.

Спустя ещё двадцать минут концерт в честь начала учебного года окончательно завершился.

Лю Юй спешил на какую-то вечеринку и, прихватив вещи, быстро удалился. Ли Сяньфу повернулся к Шэнь Янь:

— Отсюда трудно вызвать такси, пойдём вместе.

Шэнь Янь качнула головой, вежливо отказываясь:

— За мной приедет подруга.

После того как компания «Сяошо» окончательно рухнула, с её души будто сняли тяжелый камень.

Благодаря помощи Ли Сяньфу её повторное заявление в прессе прошло успешно, а насчёт юристов Цинь Цзинь договорился заранее. Шэнь Янь была за это искренне благодарна:

— Если вам в будущем понадобится помощь в подобных мероприятиях, можете обращаться ко мне в любое время.

Сидевший неподалёку с телефоном Ли Сичунь при этих словах поднял голову:

— Это не благодарность, это проклятие.

Сыграй они ещё пару раз в подобных абсурдных фарсах, и в их доме, наверное, больше никогда не будет покоя.

Шэнь Янь, сказав это, тоже осознала нелепость ситуации и, на удивление всем, согласно кивнула.

<http://bllate.org/book/18300/1757532>